

КОСТРОМА В СУДЬБЕ Н.Н. СТРАХОВА

Статья посвящена раннему периоду жизни русского философа и литературного критика Н.Н. Страхова – сначала в Костроме, в духовной семинарии, где ректорствовал его дядя, будущий архиепископ Черниговский Нафанаил (Савченко), а затем студенчеству в Петербурге. Основным источником сведений – сохранившаяся в Киеве, в ИР НБУ переписка Страхова в 1844–1849 гг. с проживавшим в Костроме и принимавшим в его воспитании деятельное участие ссыльным униатским священником о. Иоанном Сквивским. Архивный документ представляет собой копию писем, подготовленную в 1908 г. к печати мужем племянницы Страхова И.П. Матченко. Им же составлен комментарий и переведены письма Сквивского, написанные большей частью по-французски. В начале XX в. переписка не была опубликована. Как отмечал Страхов, его переписка с о. Иоанном стала своего рода дневником: в ней отражены подробности духовного и творческого становления молодого человека, преодоление себя, ошибки и победы. Письма Страхова свидетельствуют, что Кострома всегда оставалась светлым воспоминанием, нравственным камертоном, с которым он сличал свою последующую жизнь.

Ключевые слова: Страхов, Сквивский, Кострома, история русской литературы, эпистолярный.

Костромой в жизни Н.Н. Страхова связаны годы отрочества и обучения в духовной семинарии. Сведений об этом периоде крайне мало. Основные источники – юношеский дневник Страхова, его переписка с о. Иоанном Сквивским и отдельные письма.

Документы сохранились в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины. Переписка представляет собой копию писем, подготовленную в 1908 г. к печати мужем племянницы Страхова И.П. Матченко. Им же составлен комментарий и переведены письма Сквивского, написанные большей частью по-французски. В начале XX в. переписка не была опубликована. Где находятся оригиналы, не выяснено. В сокращении и спустя век письма печатались в журнале «Москва» [7].

Биографическая канва непродолжительного костромского периода жизни Страхова такова. В 1834 г. попечение об оставшихся без отца племянниках взял на себя их дядя по матери – иеромонах Нафанаил Савченко, переведенный вскоре ректором семинарии в Кострому, где, начиная с 1839 г., Страхов обучался на отделении риторики, а затем философии. В 1843 г., в сане архимандрита, о. Нафанаил был вызван в Петербург. Следом за ним поехал и Страхов, чтобы продолжить образование сначала в Университете, а затем в Главном педагогическом институте.

О Нафанаиле, будущем архиепископе Черниговском, в комментариях Матченко сказано: «Николай Николаевич находился на его содержании и воспитании с 10-ти лет и сам называет его своим “первым благодетелем”. Под стихотворением “Христос воскрес”, посвященном Нафанаилу, он подписался: “благодетельствованный вами племянник Н. С.”. Бакалавр Киевской академии, Нафанаил (в миру Николай Савченко) был преподавателем Белгородской семинарии (Курской губернии). Овдовев через год после женитьбы, он принял монашество и занимал должности: инспектора

Тверской, а затем ректора Каменец-Подольской и Костромской семинарий. В 1843 г., в сане архимандрита, он вызван был из Костромы в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде, куда в следующем 1844 г. вызвал и Николая Николаевича для определения в высшее учебное заведение. В 1845 г. Нафанаил был посвящен в сан епископа Ревельского, викария Петербургского, а затем занимал кафедры: епископа Полтавского, Архангельского и (с 1871 г.) архиепископа Черниговского. Умер Нафанаил в Чернигове в 1875 г. и похоронен на монастырский счет, так как не оставил после себя никакого состояния. Обладая представительной наружностью, Нафанаил был выдающимся иерархом по уму и ораторскому таланту. Помнится, какой-то англичанин, познакомившийся с ним в Архангельске, писал в путевых записках, что он был удивлен, встретивши на дальнем севере такого просвещенного архиерея. На попечении-то Нафанаила вырос и под непосредственным руководством его воспитывался Н.Н. Страхов» [4, 18875, л. 2 об.–3 об.].

Костромская семинария в середине XIX в. помещалась в Богоявленском монастыре. Братию этого старинного, основанного в XV веке, но со временем обедневшего и почти опустевшего монастыря составляли не более восьми монахов. «Стены его были облуплены, крыши по местам оборваны; но это были высокие крепостные стены, на которые можно было всходить, с башнями по углам, с зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Везде были признаки старины: тесная соборная церковь с темными образами, длинные пушки, лежавшие кучей под нижним открытым сводом, колокола со старинными надписями, – таким запечатлел облик монастыря в своих «Воспоминаниях» Страхов. – Пусть все это было бедно, лениво, слабо; но все вместе имело совершенно определенный смысл и характер, на всем лежала печать своеобразной жизни. Самую скудную жизнь, если она, как подо-

бает жизни, имеет внутреннюю цельность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накоплению жизненных элементов, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу» [5, с. 72].

К стяжанию такой внутренней цельности направлял отрока Николая Страхова его учитель и старший друг – ссыльный униатский архимандрит Почаевского монастыря о. Иоанн Сквивский. «Образованный, сведущий и симпатичный старик, о. Иоанн пользовался в Костроме расположением местного православного духовенства и семинарского начальства и даже репетировал воспитанников духовной семинарии. В бытность свою в Костромской семинарии Николай Николаевич сблизился с ним, и о. Иоанн Сквивский имел на него огромное влияние. Он занимался с ним по математике, латинскому и французскому языкам и вообще руководил его научными занятиями. Практическим знанием французского языка Николай Николаевич исключительно обязан о. Иоанну, с которым весьма часто и переписывался по-французски. Что же касается нравственного влияния о. Иоанна, то его интересные письма преисполнены высоко поучительными наставлениями, какие только могла внушить искренняя и бескорыстная любовь. Николай Николаевич называл его “любезнейшим учителем и благодетелем”. В мае 1848 года о. Иоанн был переведен в Киев и здесь жил в доме римско-католического костела. Умер в 1850 г. и похоронен на Байковом кладбище. На могиле его стоит скромный каменный памятник с надписью: “Ксендз Иоанн Сквивский, архимандрит Почаевского монастыря, Базилианского ордена. Умер 28 января 1850 г. Жил 75 л.”» [4, 18875, л. 1 об.–2 об.].

Последние дни пребывания Страхова в Костромской духовной семинарии отражены в летних записях его дневника за 1844 г.: «Теперь уже кончились вакационные экзамены, на которых я отвечал как должно и даже получил книжку “Космография” от о. инспектора Иоанна при следующих словах: “Я слышал, что вы оставляете семинарию, но везде, куда бы вы ни пошли, вы добавите чести нашей семинарии своим поведением”. <...> Читал жизнеописание Альфиери. Биографии ученых и писателей как-то оживляют меня. Я люблю читать описание их занятий, трудов и образования, привычек и пр. Для меня это занимательнее всего» [1, л. 5].

В августе 1844 г. Страхов все еще оставался в Костроме и в ожидании отъезда гостил у своей попечительницы Александры Ивановны. Жизнь в имении Бахматово он хотел «когда-нибудь описать в небольшой повести под именем “Деревня”». «Читал я там мало: прочел несколько романов, из которых замечательные “Лоцман” и “Жена, муж и любовник” Поль де Кока; да еще “Гамлета” в старинном переводе; “Лоцман” мне не очень понравился и даже казался иногда скучен, но роман Поль де Кока очень

понравился, хотя и написан очень вольно. Просто чудо! Настоящий роман: и завлекательно, и легко. Все равно что трубка табаку или чашка кофе. <...> Теперь я с восхищением воображаю, когда буду слушать институтских профессоров и буду жить в институте: мне даже не верится в такое счастье. Петербург! Боже мой! Боже мой! Нет! Не пойду более в здешние классы!..» [1, л. 7 об.].

Днем прощания с Костромой стало 15 сентября 1844 г. «Прощай, Кострома! Ты надолго останешься в моей памяти, – записал Страхов в дневнике. – Здесь я начал учиться, здесь нашел Анну Ивановну, Александру Ивановну и – отца Иоанна; нашел много и много других людей, достойных памяти» [1, л. 9].

Хотя переписка с о. Иоанном относится к 1844–1849 гг., когда Страхов был уже в Петербурге, в ней сохранились воспоминания и отражения тех начал, из которых будет формироваться будущий философ и литературный критик.

О занятиях с о. Иоанном Страхов вспоминал в ноябрьском письме 1844 г.: «Как часто и в каком прелестном виде представляются мне ваши уроки; вначале, когда я летом ходил к вам на самый конец корпуса и, или в саду, или в келье, твердил *Prenez livre et venez lire*, – потом, когда зимою при огне бегал к вам по морозу, когда летом ходил к вам на геометрию и когда еще так недавно утром рано приходил к вам окончить ее. И как я привык у вас к французскому языку! Немецкий как-то забывчив, особенно теперь, когда я так долго не занимался им; но знание французского, кажется, твердо укоренено во мне» [4, 18876, л. 5–5 об.].

О. Иоанн взял себе за правило писать Николаю Страхову в Петербург по-французски, видя в этом несомненную практическую пользу. Однако в ответ слышал неуверенность и смущение: «Когда я получше научусь писать по-французски, тогда и я вам напишу на этом языке, которому вы меня учили. Теперь же пишу на русском и написал бы вам больше, если бы было место» [4, 18876, л. 7 об.–8]. Безусловно обладая педагогическим даром, о. Иоанн мягко, но неуклонно стоял на своем: «Весьма жаль, что вы не хотите написать несколько строчек по-французски; вы забудете все правила, которые выучили с таким старанием и трудом. Но так как вы не имеете словаря и весьма теперь заняты, то оставим на после нашу корреспонденцию на французском языке» [4, 18880, л. 15 об.]. Ожидание длилось четыре месяца; и учитель все-таки получил письмо, написанное по-французски: «Большое вам спасибо. И хотя в нем много ошибок, тем не менее, я его легко прочел и порадовался, так как оно служит неоспоримым доказательством, что вы написали письмо сами, без посторонней помощи. Мы не можем писать без ошибок, так как это не наш родной язык... Но мы понимаем друг друга. Пишите же, как вам удобнее; я всегда буду

доволен вашими письмами и буду всегда читать их с удовольствием» [4, 18884, л. 23].

Если для Стрхова трудность представлял французский язык, то перед о. Иоанном возникло неожиданное препятствие иного свойства. «На французском языке я мог прочесть ваше письмо, но на русском весь семинарский мир не мог понять, что вы написали. Наконец, Любимов и Оранский едва могли прочесть его в течение часа времени. Итак, если вы желаете, чтобы я сам мог читать, пишите отчетливо, так как мои глаза слабы, и вы знаете, что я не бегло владею русским языком» [4, 18883, л. 20].

Стрхов был согласен на любые условия переписки с учителем: «Я хочу говорить с вами, так как для меня составляет большое удовольствие не только читать ваши письма, но и писать их к вам» [4, 18883, л. 20].

Можно предположить, что письма о. Иоанна, дошедшие до нас в переводе и редакторской обработке Матченко, по своей форме, с точки зрения русской грамматики, были далеки от совершенства. Но именно в них содержался противовес новым столичным веяниям, которые обрушились на не подготовленного провинциала. «Вы несколько раз повторяете мне, что пишете не по-русски и что я, может быть, не пойму. Напротив, я все понимаю и понимаю даже лучше, нежели по-русски. В вашем языке есть какая-то прелесть, какая-то простота и выразительность евангельская. Я несколько раз перечитываю письма – не потому, чтобы не понимал, а потому, что мне приятно еще раз повторить слова ваши и мысли» [4, 18894, л. 43].

В другом письме Стрхова – о мощном и благотворном воздействии на его творческие возможности переписки с о. Иоанном: «Я перестал писать дневник <...>. Вместо дневника – письма к вам. Вы так снисходительны, так добры, что их читаете и, может быть, утешаетесь ими; но если вы прикажете, я буду писать, о чем вам угодно. Когда пишу, у меня рождается всегда туча мыслей, тогда как без пера в руке горизонт ума чист и ясен. У меня нет недостатка в словах. Пишу – слова льются; я смотрю, можно ли так их связать, – можно; вот я и поймал мысль за хвостик. Когда пишу, я мыслю; когда мыслю, то философствую» [4, 18890, л. 37–37 об.].

Дорогие воспоминания в письмах корреспондентов обретают метафоричность и художественную образность. «Не думайте, чтобы здесь я изменился и повзрослел, – писал Стрхов, – я тот же Николая и с величайшею радостью сегодня же поставил бы вам самовар. Я никогда не забуду этого, потому что никакой чай не может быть для меня так приятен, как тот, который я пил у вас» [4, 18883, л. 21]. В ответе о. Иоанна слегка обозначенный Стрховым образ развит и дополнен: «Пишешь, что чай у меня был лучший, а знаешь почему? Потому что ты сам ставил самовар. Когда будешь хозяином, то будет еще лучший, ибо ниче-

го нет приятнее, как приобретать трудами для себя содержание» [4, 18884, л. 24].

Энергичный тон первых писем Стрхова из Петербурга не мог не радовать о. Иоанна: здравые рассуждения, достойные цели, желание трудиться. За этим виделся багаж знаний, вывезенный из Костромы. Сорадуясь успеху экзамена, после которого Стрхов был удостоен звания студента Петербургского университета, о. Иоанн писал: «Не правда ли, что, как я вам раньше говорил, вас спрашивали пустяки. Но ваша серьезная подготовка весьма похвальна, и вы от этого останетесь только в барышах; когда будете держать экзамен на кандидата или магистра, тогда припомнится все, чему вы учились. Теперь время работать и бросать семена в землю ваших способностей, если желаете собрать в зрелом возрасте большую жатву. Не переставайте быть всегда чистым, ибо таким Бог никогда не отказывает в помощи и покровительствует им всегда. Вы вошли в свет, получив воспитание в христианском духе. Будьте же всегда добродетельным, если желаете быть счастливым. Не сближайтесь с неверующими и даже не слушайте их рассуждений, фальшивых и обманчивых умозаключений, и в вашем сердце будет всегда царствовать сладкий мир, и вы всегда будете довольны. Извините, мой милый, что я вам так часто об этом пишу, но слова эти диктуют мне мое искреннее сердце» [4, 18890, л. 30].

Несомненные аналитические способности Стрхова, его склонность к рассуждениям о. Иоанн заметил довольно рано: «Вы философствуете очень хорошо, – писал он, – однако я опасюсь, чтобы ваш ум со временем не заблудился, когда вы подвергнетесь искушениям» [4, 18885, л. 26 об.]. Искушения и опасности были разного свойства. Случалось, что верх над благоразумием брал обычный юношеский задор, например, *учиться без книг или летом лениться и писать стихи, а зимой быть ученым*. Тогда о. Иоанн предостерегал: «Ваше благородие выходит на большое поприще, как на океан путешественник, не умеющий владеть кораблем, где всякая небрежность опасна даже самой жизни. В таком случае советами своего друга пренебрегать не должно» [4, 18878, л. 10 об.]. И тут же вдохновлял: «Я чувствую, что вы принесете много пользы вашему отечеству; провидение вас к этому предназначило. Постарайтесь быть достойным этого предназначения» [4, 18878, л. 10].

Более глубокую и серьезную опасность таила нигилистически и атеистически настроенная студенческая среда, в которой оказался провинциальный юноша. «Я вас просил и теперь прошу вести себя хорошо, – увещевал Стрхова о. Иоанн. – Не ищите знакомств с дурными товарищами – из опасения стать похожим на них. Крепко помните изречение Христа: “Нет тайны, которая не открылась бы, ни скрытой вещи, которая не была бы узнана и не вы-

шла бы наружу”. Так и у вас – не проявившиеся доселе недостатки обнаружатся, да кроме того, вы потеряете вашу милую веселость, так как совесть будет вас всегда мучить» [4, 18878, л. 9 об.].

По прошествии трех лет, в летнем письме 1847 г. горькое признание Страхова, подтвердившее опасения о. Иоанна: «Я уже не тот живой, свежий мальчик, каким вы меня знали. Я сделался тяжелым, молчаливым, неповоротливым. Мне кажется, что мои способности тупеют и ум слабеет более и более. Вместо той ревности и быстроты в занятиях, какая была у меня в Костроме, наступило какое-то утомление и бессилие; я так долго учусь и так мало выучиваю. В эту вакацию я задумал повторить основания моего учения, заняться языками и математикой, а между тем я ничего не успеваю сделать, несмотря на то, что постоянно занимаюсь. Мне кажется, что я потерял в вас незаменимого наставника; мне кажется, что еще не способен заниматься сам, без чужой помощи. Грустные и тяжелые мысли находят на меня. Я как будто сбился с дороги, как будто потерял цель, к которой должен был идти. Какой-то хаос в моих познаниях. Я жадно схватываюсь за каждое знание, но когда я занимаюсь всем вместе и ничем в особенности, то я мало успеваю; я, кажется, не подвигаюсь ни на шаг вперед. Недавно я достал роман Жоржа Занда, у которого, по сознанию всех, самый чистый, самый прекрасный слог. Три года я уже не вижусь с вами, а между тем я с трудом и усилием перевожу его и в некоторых местах не понимаю. Много же я сделал в эти три года! Я беспечен и неподвижен, но эти мысли отравляют каждый мой труд, удовольствие, которое должно быть для меня самым высоким. Где мне найти поддержку, одобрение? Не знаю. Я один» [4, 18912, л. 93 об.–94 об.].

«Пустыню отрочества» [6, с. 138], по гениальному точному определению Л. Н. Толстого, этот непростой возрастной период жизни Страхов преодолевал со многими потерями и разочарованиями. В их числе – глубокий разрыв с родными [8]. Требовательность и строгая принципиальность дяди, архимандрита Нафанаила, в вопросах духовно-нравственных воспринимались Страховым слишком лично, болезненно; и как следствие – озлобленность, так ярко проступившая в составленном им и адресованном дяде анонимном письме [2] с обвинениями в бездушии, бессердечном отношении к воспитанникам-племянникам.

Обычную картину семейных встреч Страхов изобразил в письме к о. Иоанну: «Представьте себе комнату, довольно хорошо меблированную и украшенную. В этой комнате, на среднем диване и около, сидят дядюшка, Федя¹ (это бывает по праздникам) еще человека 2–3. Против этого дивана сидим мы двое и смотрим на дядюшку. Дядюшка говорит и говорит – все о себе. Другие молчат, едят яблоки и груши и иногда прерывают речь похвалой им...

Дядюшка говорит прекрасно, славно говорит; когда вовсе не о чем говорить, он и тогда говорит, но слушать его так часто, как мы слушаем, – просто мука» [4, 18894, л. 95 об.].

Как опытный наставник, о. Иоанн положил много усилий, чтобы помочь Страхову преодолеть глубоко проникшую в сердце неприязнь. «Желаешь знать, чего я хочу? – писал он в Петербург. – Возвратитесь к состоянию невинности. В Костроме вы были агнцем, а теперь, кажется, вы заблудшая овца. Нужно исправить свой проступок, обратиться к Богу, к вашим обязанностям, полюбить труд, как в Костроме. Бросьте курить табак, будьте прилежны и найдете большое удовольствие в учении. Вот мой совет последний. Я желаю видеть тебя счастливым, и будешь, если потрудишься и оставишь развлекающую компанию, ибо писано: “Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых”» [4, 18914, л. 98–99 об.].

23 июня 1847 г. Страхов обратился к о. Иоанну с просьбой, о которой, как можно предположить, задумывался не в первый раз: «Я бы очень желал прочесть мои письма. Я никогда не скрывал перед вами ничего. В этих письмах вся моя история, бедная и пустая, история всегдашних стремлений и бесплодной деятельности» [4, 18912, л. 94 об.–95]. Это письмо оказалось последним, которое о. Иоанн успел из Киева с оказией возвратить своему ученику. Последнее письмо самого о. Иоанна датируется 15 июля 1849 г.

Со смертью ксендза Иоанна Сквивского Страхов лишился важного для него духовного общения. В свое время переписка с о. Иоанном заменила Страхову дневник. Теперь, с ее завершением, обозначился новый этап творческой биографии Страхова – художественно-автобиографические записки, ставшие школой, как «уловить мысли сетью слов и выражений и удержать их на бумаге за эфирные крылья» [3, л. 7].

Примечание

¹ Сын Нафанаила, служивший потом в военной службе; ныне жив. *Прим. И.П. Матченко.*

Библиографический список

1. ИР НБУ. – Ф. I. – Ед.хр. 5268.
2. ИР НБУ. – Ф. 330. – Ед. хр. 26.
3. ИР НБУ. – Ф. I. – Ед. хр. 5278.
4. ИР НБУ. – Ф. III. – Ед. хр. 18875–18916. – Л. 1–100 об.
5. *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. – СПб., 1892.
6. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. – М.: Наука, 2000. – Т. 1. – 512 с.
7. *Щербакова М.И.* «Вместо дневника – письма к вам» (Из переписки Н. Н. Страхова с о. Иоанном Сквивским) // Москва. – 2004. – 10. – С. 186–206.
8. *Щербакова М.И.* Лев и два Николая // Толстовский ежегодник. – Тула: Власта, 2003. – С. 284–293.